

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Д. УОРТ

О ЯЗЫКЕ РУССКОГО ПРАВА

В работах некоторых исследователей история русского литературного языка предстает как почти тысячелетнее состязание двух враждебных стихий — импортированного, «чужого» церковнославянского языка, и «своего», автохтонного восточнославянского. Многочисленные и разнообразные теории возникновения и развития русского литературного языка восходят к В. Е. Аодурову, М. В. Ломоносову, С. Т. Аксакову и др. и связаны, прежде всего, с именами А. А. Шахматова, С. П. Обнорского, Л. П. Якубинского, В. В. Виноградова, Б. О. Унбегауна, Ф. П. Филина и Р. И. Аванесова. Отдельные положения комментируются и разрабатываются также в работах Г. Хютль-Ворт, Н. А. Мещерского, М. А. Соколовой, Е. Т. Черкасовой, Л. П. Жуковской, И. С. Улукханова и других исследователей¹. Работы даже крупнейших специалистов по истории русского языка нередко страдают прямолинейностью, увлечением предвзятыми схемами, неполным охватом всего сложного и отчасти — противоречивого фактического материала.

В многочисленных работах Б. О. Унбегауна защищается взгляд, согласно которому вплоть до XVIII в. существовало два письменных языка, один из которых — язык литературный, церковнославянский, а другой — язык нелитературный, русский; первый, по мнению Б. О. Унбегауна, употреблялся во всех видах религиозной письменности и в художественной литературе, а второй — в юриспруденции, административных документах, дипломатической и частной переписке и т. п.² Эти два письменных языка оставались взаимно изолированными вплоть до XVIII в. Церковнославянские элементы, согласно этой точке зрения, смогли проникнуть в язык юридических документов лишь в эпоху Петра I, когда исчезли преграды, отделявшие приказный язык от языка церковнославян-

¹ Обзор имеющихся взглядов можно найти в многочисленных работах В. В. Виноградова. См., например: В. В. Виноградов, Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в., ВЯ, 1969, 6; е го ж е, О новых исследованиях по истории русского литературного языка, ВЯ, 1969, 2. Из новейшей литературы назовем статью: Ф. П. Филин, Об истоках русского литературного языка, ВЯ, 1974, 3. Понимание сложности исторического развития русского литературного языка в его жанровой многогранности представлено в работе: Н. И. Толстой, К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян, ВЯ, 1961, 1, а также в работах Б. А. Успенского и В. Д. Левина (см., например: «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии», II — Проблемы славянского языкознания, М., 1962).

² Из работ Б. О. Унбегауна отметим: Б. Унбегаун, Разговорный и литературный русский язык, «Oxford Slavonic papers», 1, 1950; е го ж е, La formation des langues littéraires slaves: problèmes et état des questions, в кн.: «Langue et littérature. Actes du VIII Congrès de la Fédération internationale des langues et littératures modernes», Paris, 1961; е го ж е, L'héritage cyrillo-méthodien en Russie, «Cyrillo-Methodiana: Zur Frühgeschichte des Christentums bei den Slaven, 869—1963», Köln — Graz, 1964; е го ж е, Происхождение русского литературного языка, «Новый Журнал», 100, Нью-Йорк, 1970; е го ж е, The Russian literary language: a comparative view, «The modern language review», 68, 1973.

ского³. Даже отмечая наличие некоторых церковнославянских слов и выражений вроде *крестное целование*, *искупление пленных*, *напраснство* и *небрежение* в Соборном Уложении 1649 г. и в предшествующих ему судебныхниках, Б. О. Унбегаун тем не менее утверждает, что в „Русской Правде“ нет церковнославянских слов. Нет их и в судебныхниках 1497, 1555 (? — Д. У.) и 1589 годов, как их нет и в Уложении 1649 года... Это положение изменилось лишь в XVIII веке, когда закончилось слияние русского административного языка с церковнославянским литературным языком⁴. Таким образом, отрицается влияние церковнославянской стихии на язык русского права до XVIII в. Между «Русской Правдой» (древнейший список 1282 г.), судебниками 1497, 1550 и 1589 гг. (не упоминается почему-то так называемый Сводный Судебник 1606—1607 гг.) и Уложением Алексея Михайловича 1649 г. ставится знак равенства: они в равной степени свободны от церковнославянского влияния, и никакого языкового развития в этом отношении от XIII в. вплоть до XVIII в. не было.

Конечно, язык русского права с самого начала сильно отличался от языка собственно литературных текстов (в понятие «литературный язык» мы не включаем язык юридических текстов и повгородских берестяных грамот). Действительно, одним из существенных отличий приказного языка от языка литературных текстов является относительная свобода первого от церковнославянских элементов и относительная насыщенность ими последнего. Но это вовсе не значит, что язык русского права развивался (или, по Б. О. Унбегауну, скорее не развивался) в полной изоляции от церковнославянского языка. Нетрудно показать, что язык русского права с самого начала испытывал известное влияние со стороны церковнославянского языка и что это церковнославянское влияние постоянно возрастало в период от 1497 до 1649 г. Не претендуя на всестороннее изложение данного вопроса, мы хотим обратить внимание читателя на некоторый фактический материал.

Акад. С. П. Обнорский еще в 1934 г. утверждал, что язык «Русской Правды» свободен от церковнославянизмов (или считал их поздним наслоением). Несостоятельность его взглядов была доказана в 1941 г. А. М. Селищевым, приведшим целый ряд явных церковнославянизмов в языке «Русской Правды» вроде *разбой*, *разграбление*, *вражда*, *окончаний-аго* (*боярскаго тиуна*, *до третьяго рѣза* и др.), *-оя* (*безъ всякоя свады*) и т. п.⁵. Аргументы А. М. Селищева представляются вполне убедительными. Менее известными являются некоторые данные из юридических документов XV—XVII вв., на которых мы здесь остановимся.

В Судебнике 1497 г., в котором, по словам Б. О. Унбегауна, «нет церковнославянских слов», мы находим целый ряд их. Этот первый большой законодательный текст Московского государства, сохранившийся в списке XVI в.⁶, содержит и орфографические церковнославянизмы (по всей вероятности, употребленные под так называемым вторым южнославянским влиянием) вроде *рать татарскаа* 56⁷, *от церкви божиа* 59, *котораа*

³ См.: Б. О. Унбегаун, *Russe et slaxon dans la terminologie juridique*, RÉS, 34, 1957.

⁴ Б. О. Унбегаун, *Язык русского права*, «На темы русские и общие (сб. в честь проф. Н. С. Тимашева)», Нью-Йорк, 1965.

⁵ С. П. Обнорский, «Русская Правда» как памятник русского литературного языка, «Известия АН СССР», 7-я серия, 1934, 10; А. М. Селищев, О языке «Русской Правды» в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка [написано в 1941 г.], ВЯ, 1957, 4.

⁶ Цит. по изд.: «Памятники права периода образования русского централизованного государства XIV—XV вв.» (= «Памятники русского права», 3, под ред. Л. В. Черепнина), М., 1953.

⁷ Цифрами обозначаются отдельные статьи Судебника.

вдова 59, чья земля оранаа 61, подеойским праваго десятка 64, перед великим князем 68, и более традиционные церковнославянские написания окончаний вроде с осмаго дня 28, до Новагорода до Великаго 30, погына боярскаго 45, с списка суднаго 64, князь великий Иван Васильевич всея Руси (Введение) (интересно отметить, что в следующем большом Судебнике 1550 г. имеется более архаизированная форма *всеа Руси*), от правыя грамоты 22, от безсудныя грамоты 25, отпускныя грамоты не дати 41 и др. В Судебнике 1497 г. находим и написание *-ц-* из **tj*, **kti*: или кто стар, или неможен 52, *хочет на поле с послухом лезет* 48, *Аще кто пошлет пристава* 45. Префиксальное написание *раз-*, отмеченное Селищевым в «Русской Правде» в словах *разбой*, *разбоиникъ*, *разнаменати*, *разграбление*, в Судебнике 1497 г. отмечено, кроме слова *разбой* 7, 8, 38, 39, только в случае *по тому расчету* 4. Непоногласные формы засвидетельствованы исключительно от корня **perd*, а именно в наречиях и прилагательных *прежней*, *прежний*, *преж* и в предлоге *пред*, например: *а в ыной татбе и прежней довода на него не будет* 10, *в прежнем деле* 12, *в какове деле в прежнем* 14, *преж того неодинова крадивал* 13, *что пред ними купил* 46. Переписчик явно не ощущал никакой разницы между полногласными и непоногласными вариантами, как это видно хотя бы из примера *поставити пред наместником или пред волостелем или перед из тиуны* 37⁸. Судебник 1497 г. содержит и традиционные выражения церковнославянского происхождения *по крестному целованию* 12, *без напразднства* 55 и, наряду с более старым словом *послух*, нововведенное *свидетель*, *свидетельской* 59. В одном месте сохраняется (или скорее восстанавливается) рефлекс второго смягчения задненебных: *а езд на версту по дензе* 44. Таким образом, Судебник 1497 г. отнюдь не лишен церковнославянского влияния; наоборот, он содержит ограниченные, но тем не менее совершенно ясные следы того взаимодействия русского и церковнославянского языков, которое не прекращалось с киевских времен и которое можно проследить во многих жанрах русской письменности, включая и язык русского права.

В Судебнике 1550 г.⁹ положение слегка меняется. Там менее часты искусственные южнославянские написания без йотации, хотя они и имеются, ср. князь Иван Васильевич *всеа Руси* (Введение). Сохраняются лексические славянизмы вроде *святитель*, *святительской* 91, и *тот товар погубит без напрасньства* 90. Слово *разбой*, восходящее к «Русской Правде» XIII в., встречается и в Судебнике 1550 г.: *А доведут на кого разбой, или душегубство, или ябедничество* 59. Как и в Судебнике 1497 г., в Судебнике 1550 г. употребляются формы *преж*, *прежний*, *пред*, но в еще большем количестве, ср.: *И будет по обыску в какове в прежнем деле прирочной человек з доводом* 57, *в прежних делах* 58, *а в ыной в прежней Татбы довода на него не будет* 55, *кого в прежних купчих в послуех нет* 85, *та вотчина прежнему продавцу безденежно* 85, *а где дворского нет и преж сего не бывал* 62, *которые дела преж сего Судебника вершены* 97 и т. п. Нововведениями в Судебнике 1550 г. по сравнению с Судебником 1497 г. являются числительное *седьмой* с *д* и прилагательное в непоногласной форме *градской*: *а не приедут сами к ответу... после срока за сто верст*

⁸ Об истории этого корня см.: И. С. Улуканов, Предлоги *предъ* — *передъ* в русском языке XI—XVII вв., сб. «Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка», М., 1964, стр. 125—160, е го ж е, Славянизмы и народно-разговорная лексика в памятниках древнерусского языка XV—XVII вв. (Глаголы с приставками *пре-*, *пере-* и *предъ-*), сб. «Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка», М., 1974.

⁹ См.: «Памятники права периода укрепления русского централизованного государства XV—XVII вв.» («Памятники русского права», 4, под ред. Л. В. Черепнина), М., 1956.

в седмой день 75, А государьскому убойце, и градскому здавцу... живота не дати, казнити его смертною казнью 61. Таким образом, в Судебнике 1550 г. по сравнению с Судебником 1497 г. меньше орфографических южнославянизмов (первая большая волна архаизации уже прошла), но больше других церковнославянских форм (*седьмой, градской*). Это — переход к расцвету церковнославянской стихии, который отмечается со второй половины XVI в., особенно в Судебнике 1589 г.

Судебник 1589 г., хотя и остается в своей основе явно произведением собственно русского типа, все же свидетельствует о возрастающем влиянии церковнославянских по происхождению форм. В нем есть, конечно, и много восточнославянизмов вроде *по розчету* 10, *в розбое* 17, *похочет* 19, *перед судью* 29, *не мочно вершити дела* 30, *к намесничьим людям или к волостелным* 35, *по городцких и по волосных посылати пристава* 35, *з головы* 83 и т. д. Однако в целом ряде случаев Судебник 1589 г. показывает намеренную славянизацию текста: во многих случаях Судебник 1589 г. по сравнению с предшествующим ему Судебником 1550 г. заменяет окончание *-ого* на *-аго, розбой* на *разбой, семой* на *седьмой* и т. д.¹⁰ Вот некоторые из многочисленных примеров:

Судебник 1550 г.

-ого

или дело запишет не по суду,
... без боярского, или без дворец-
кого... ведома 4

и околничему полтина да за доспех
убитого три рубля 11

-ие, -ей

и во всех городах Московские зем-
ли, и Ноугородцкие земли 99

а земли ему оставить в меру столко,
сколко он своей земли променил 85

роз-

да на пути у него тот товар утеря-
ца безхитростно... или *розбой* воз-
мет 90

Судебник 1589 г.

-аго

или список подпишет без боярского
или без судьяна ведома 4

и околничему полтина да за доспех
убитаго три рубли 15

-ия, -ея

и во всех городах Московския земли
и Наогордцкия (sic) 202

а земли ему оставить столко, ско-
лко своея вотчины земли променил
167

-раз

да на пути у него тот товар утеря-
етца безхитростно... или *разбой* воз-
мет 181

В предыдущей статье, однако, первоначальное *розбой* 1550 г. сохранено в Судебнике 1589 г.:

А убьют которого крестьянина на
поле в *розбое* или в ыном в котором
в лихом деле 89

А убьют котораго крестьянина на
поле в *розбое* ил в ыном лихом
деле 180

(в тексте 1589 г. *ь* заменен на *и* в двух случаях, *-ого* на *-аго*, повторяющийся предлог устранил, т. е. текст вообще олитературивается).

¹⁰ В этом смысле Судебник 1589 г. ближе к Судебнику 1497 г., чем к Судебнику 1550 г. Было бы весьма желательно установить точные преемственные связи отдельных рукописей всех цитируемых здесь судебников.

семой

а подписати на его список за сто
верст по сроце *семым* днем 69

(напомним, что в другом случае церковнославянская форма с *ѡ* уже введена в Судебник 1550 г.).

Самыми интересными заменами в Судебнике 1589 г. являются случаи с полногласной и неполногласной лексикой. Хотя неполногласные формы встречаются и в Судебнике 1550 г. (*прежний, градской*) и хотя полногласные формы далеко не единичны в Судебнике 1589 г., тем не менее сравнение этих двух судебников ясно показывает движение от восточнославянской полногласной лексики к лексике неполногласной, церковнославянской. Ср.:

Полногласие

А детей боярских судити наместником по всем *городом* по... государевым жаловальным по их вопчим грамотам 64

А торговым людем и посадцким людем и всем *средним* безчестья пять рублей 26

и дьяку исцевы и отвечиковы речи велети записати *перед* собою 28
и бояром велети его дати на крепкую поруку, хто ему будут *вперед* иные исцы 55

а *вперед* кто ту кабалу оболживит, и та кабала вершити по суду 78

А *вперед* всякие дела судити по сему Судебнику 97

А торханых *вперед* не давати никому 43

А которому наместнику дан в кормление город с волостями,... а в которых волостех *н~~а~~перед* сего старост... не было 68

А которые люди учнут искати на наместниках или на *волостелех* и на их людех по жалобницам 22

как те наместники или *волостели*, едучи на жалованье 24

седьмой

а подписати на вину, будет не
станет в *седьмой* день за сто верст
124

А детей боярских судити наместником по всем *градом* по царевым грамотам по жаловальным 118

А торговым людем посадцким и всем *средним* безчестия пять рублей 47

и дьяку исцевы и отвечиковы речи велети записывати *пред* собою 75
и судиям дати его на крепкую поруку, хто ему будет *впредь* исцы 107

И *впредь* хто кабалу оболживит, и та кабала вершити по суду 141

А *впредь* всякие дела судити по сему Судебнику 200

А тарханых грамот *впредь* не давати 92

А которому наместнику дано в кормление город с волостями, а *преже* того в тех волостях, старост не было 122

А которой люди учнут искати на наместниках, и на *властелях*, и на иных людех по жалобницам 34

и как наместники или *властели*, едучи на жалованье 36

*gord

*serd

*perd

*vold

А наместником и волостелем, которые держат кормленья без боярского суда 66

ино волостелю или посельскому имати на нем за борап два алтына 87

А наместником, и волостелем, ... в городех и в волостях непродажных и доморощенных лошадей не пятнати 96

А взыщет селецкой на селецком, а судит их же волостель 100

А кого наместничии или волостелины люди учнут давати от кого на поруки 70

А которой наместник или властель без боярского суда... 120

ино властелю на нем взять за борап два алтына 173

А наместником, и властелем, ... в городех и волостях непродажных доморощенных коней не пятнать 198

А взыщет его селецкой на селецком, ино их судити их же властелю 204

А кого наместничии люди или властелные станут давати на поруки 125

Случаев противоположного характера (в Судебнике 1550 г. — неполногласная форма, в Судебнике 1589 г. — полногласная) не отмечено. Все это хорошо показывает возрастание удельного веса церковнославянского элемента в юридическом языке второй половины XVI в.

Увеличение церковнославянской стихии в языке русского права продолжается и в так называемом Сводном Судебнике 1606—1607 гг., но в несколько ином виде. С одной стороны, Сводный Судебник воспроизводит статьи из Судебника 1550 г. почти буквально, вовсе не стремясь заметить, например, полногласные формы неполногласными. Ср.:

Судебник 1550 г. Судебник 1589 г. Сводный Судебник

А наместником, и волостелем, ... в городех и в волостях непродажных и доморощенных лошадей не пятнати 96

А наместником, и властелем, ... в городех и волостях непродажных доморощенных коней не пятнать 198

А наместникам, и волостелем, ... в городех и в волостях непродажных и доморощенных лошадей не пятнати [19] 95

В некоторых, правда, редких случаях Сводный Судебник является даже более «восточнославянским», чем Судебник 1550 г., например:

Судебник 1550 г.

Сводный Судебник

а не приедут сами к ответу ... после срока за сто верст в седмой день 75

А не приедут сами к ответу ... после сроку за сто верст в семой день [11] 75

С другой стороны, Сводный Судебник впервые вводит в юридический язык или употребляет в большем количестве некоторые церковнославянские по происхождению формы, которые впоследствии (например, в Соборном Уложении 1649 г.) становятся обычными. Сюда относятся:

1) неполногласный вариант *чрез*: *А хто вотчину свою бес царя великого князя ведома чрез сесь указ кому продаст...* [13] 125;

2) *ладыка* «архиепископ» [3] 104, [13] 121, [25] 162 и др. и производное от него *ладычний* [24] 166, 168 и др.;

3) топоним *Великий Новгородъ* встречается и в неполногласной форме *Великий Новѣградъ*: *А которой человек земьской Великого Новаграда,*

или псковитин... [5] 151 (наряду с в Великом Новгороде [12] 148; интересно заметить, что названия менее значительных городов всегда даются в восточнославянской форме: *Вышегорода, Звенигорода, Нижняго Новгорода, Ивана города* [6] 46).

4) храм «церковь» встречается в заглавии к 21-й грани Сводного Судебника (*О ругах в монастыре, и к храмом, которые даны внове*), хотя в самой грани употребляется только *церковь*.

Самым примечательным в Сводном Судебнике является то, что в нем впервые в истории языка русского права встречаются целые отрывки, написанные в явно церковнославянском «регистре». Эти отрывки, разумеется, касаются церковных дел. Первым из них является статья 164 13-й грани, воспроизводящая с некоторыми ограничениями Соборный приговор 1580 г., запрещающий дальнейшие земельные вклады в монастыри. Вступительное предложение 164-й статьи уже содержит славянизмы *всєа Руси* (2х), нефонетическое *о* в предлоге *со* (*со отцом своим*), *ц* из **tj* и вокализованную приставку в случае *освященным собором*. Сам текст приговора изобилует церковнославянскими формами, ср.: *милостию пречистыя и преблагословенныя владычица наша богородица; соборомъ в преименитом граде Москвѣ; с ним же совокупишася ярым образом Польша; роспылахуся гордостию, дмѣяся, хотяху потребити православие; мы... поболехом зельне; благодѣстивый царь наш... со всем своим синглитом сотвори, яко довлеет его царьской власти; многия же в заступление приидоша, яко же убо по монастырем сѣя запустевашу* и т. п.

В 22-й грани «О крестном целованье», восходящей к указу 1558 г., хотя и нельзя говорить о церковнославянском регистре целого отрывка, но тем не менее встречается (причем во многих случаях впервые в юридическом языке) целый ряд отдельных церковнославянских форм, например, *в среду* 141, *145, умерти* 141, *занеже* 141, *власть* (в переносном смысле) 142, *свѣщи* 142, *ис храмины* 143, *общую муку* 146 и т. п.

В этих двух отрывках отражены два типа нового церковнославянского влияния на язык права. В первом из них церковнославянский текст вносится целиком в Судебник и становится его составной частью, во втором возникает насыщенность текста отдельными церковнославянскими формами наряду с употреблением и многих восточнославянских слов (*свеча, полон, нужда* и т. п.). Оба случая свидетельствуют о том, что рост церковнославянских элементов в юридическом русском языке не прекратился и в начале XVII в.

Данные из Соборного Уложения Алексея Михайловича 1649 г. говорят об этом еще красноречивее. Церковнославянские элементы в этом памятнике детально исследованы¹¹, и мы ограничимся несколькими показательными примерами. В Уложении 1649 г. есть морфемы, встречающиеся исключительно в церковнославянской неполногласной форме (*блаженный, вражда, время*), но есть и морфемы, которые засвидетельствованы и в той, и в другой форме, причем варьирование может быть или свободным (*середний — средний, через — чрез*), или стилистическим, при котором выбор полногласной или неполногласной формы морфемы зависит или от сочетаемых с данной морфемой слов, или от «регистра» данного отрывка текста (*золото — злато, полоняной — пленный, серебро — сребро, хоромина — храмина*), или от лексических (или словообразовательных) факторов (*брань, бранится «сориться» — боронится — «защищаться», волюсть «территория» — власть «высший церковный чин», попереk — прекословие, хоронити «спрятать» — богом хранимый* и т. д.). В Уложении

¹¹ См.: D. S. W o r t h, Slavonisms in the Uloženie of 1649, «Russian linguistics», 1/3, 1974.

1649 г. отмечаются не только многие новые, до тех пор в языке русского права не встречавшиеся церковнославянские формы, но и первые попытки распределить церковнославянские и исконно русские формы по лексической, а отчасти и по стилистической функции.

В истории языка русского права еще очень много несделанного. Не установлена точная филиация юридических текстов. Не исследованы различия между текстами южного и северного происхождения. Не выявлены возможные «диалекты» разных московских приказов, из которых новые юридические статьи вносились в судебники и в Уложение Алексея Михайловича. Предварительные данные как будто говорят о том, что в языке русского права второе южнославянское влияние отразилось прежде всего в орфографических приемах (написания вроде -аа- и под.), но не в формах лексических морфем — однако это пока только еще не проверенная догадка. Для того чтобы стало возможным всестороннее описание возникновения и развития русского юридического языка со времен «Русской Правды» до современности, нужна большая предварительная работа. Все же и сделанные предварительные наблюдения над проникновением церковнославянских элементов в язык русского права нам кажутся достаточными, чтобы отказаться от упрощенческих взглядов о полной изоляции приказного языка от языка церковнославянского. Более оправдан тезис о тесной и продолжающейся взаимосвязи этих двух типов языка. Может быть, придется и совсем отказаться от предвзятых бинарных схем, пока не исследовано достаточное количество фактического материала разных жанров.